

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ФЁДОР ФИЛИППОВ

НЕ ДЛЯ СРЕДНИХ УМОВ

СТИХИ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

Ф.В. ФИЛИППОВ. НЕ ДЛЯ СРЕДНИХ УМОВ. Стихи
М.: Вест-Консалтинг. 2013. 72 с.

ISBN-5-86676-016-9

Филиппов Федор Владимирович (Артур Ио) родился 11 августа 1952 года в Москве. Один из старейших членов Союза литераторов России, Ф. Филиппов возглавляет СОУЛ (Секцию Остро Умной Литературы) Московской организации Союза. Руководитель семинара «Третья Среда». Печатается (когда хочет) в различных СМИ, альманахах и отдельных книгах. Первое лауреатское звание в области литературы получил в 1982 году – лауреат «Клуба Ильфа и Петрова». Дальнейшие годы знаменовал регулярным получением всевозможных литнаград. Из наиболее значительных в последнее время – премия «Золотой теленок» и премия «Словесность». Государственный стипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

Заказное издание

Это вторая книга Ф. Филиппова, выходящая в серии «Визитная карточка литератора», приложения к альманаху «Словесность». Первая – «Стихи для чтения» вышла в 2009 году.

- © Ф.В. Филиппов, стихи, 2013
- © Дмитрий Цесельчук, составление, 2013
- © Александр Петрович-Сыров, предисловие, 2013
- © Союз литераторов России, идея издания, 2013
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2013

О ПОЭЗИИ ФЁДОРА ФИЛИППОВА

Наверное, я пристрастен к поэзии Фёдора Филиппова, а может, он действительно чуть ли не единственный, кому удалось найти уникальный способ, позволяющий своей лирической Психее без фальши и скуки играть для почтенной публики. Во всяком случае, читать его интересно и глаз не «замыливается».

Немало потенциально талантливых литераторов подсознательно или инстинктивно искали и ищут различные пути к вниманию и сердцу читателя. Одного лирика мы привыкли видеть серьезным, подчас в страдальческой маске, обнажающим напоказ душевные раны. Другой сочинитель плещется в неуправляемом «потопе сознания», оставляя читателю удовольствие разгадывать инсталляции из изощренных метафор, темных намеков и проч.; третий – старается поразить публику мрачными социальными ламентациями и страстными инвективами; четвертый – деструктивной интеллектуальностью, пятый – матом... и т.п.

Не таков Ф. Филиппов, который, без сомнения, согласится с выдержкой из письма Тютчева: «...Вы знаете, как я всегда гнушался этими мнимопоэтическими профанациями внутреннего чувства, эту постыдную выставкою напоказ своих язв сердечных». Стих Ф. Филиппова также и без «непоняток». Как заметил Ю. М. Лотман, «вопреки распространённому представлению, реалистический текст всегда многозначнее».

Тут следует оговориться: поэзия Ф. Филиппова, конечно, позитивна, реальна; вместе с тем реалистичность ее все же относительная: предлагаемые «простые» формации не совсем прямолинейны; логика заложенной в текст мысли поддается парадоксальными выводами, поэтические клише порой специально доводятся до нелепости. «Социалкой», как таковой, автор тоже «брезгует». Может показаться, что он склонен к пародии, однако это не пародирование в узком смысле, с конкретным адресатом, а скорее воплощен-

ная вербально «улыбка Чеширского кота». Чем же привлекательна его муза?

«...Он оригинален, ибо мыслит» – эти слова Пушкина о Баратынском как нельзя ближе подходят и к нашему поэту. Ничто не ново под луной, но замшелые истины, пройдя через парадоксально мыслящую поэзию Ф. Филиппова, как будто нырнув вначале в котел с мертвой, затем с живой водой, выходят обновленными. В итоге на свет появляются нестандартно выраженные чувства, оригинальные понятия.

Да, порой стихи Ф. Филиппова производят впечатление легкомысленного балагурства, озорства, порой наоборот, серьезно-курьезной риторики; тем не менее, избранная им юмористическая форма всегда продумана и отвечает идее текста.

«Я пуговицу от пальто/ Случайно проглотил./ Теперь во мне есть кое-что,/ Что на себе носил./ Тогда была нужна она,/ Являя часть пальта,/ А ныне на хрен не нужна Мне пуговица та./ Но стали с нею мы родня/ По жизни и судьбе:/ И ночью, и средь бела дня/ Ношу я вещь в себе./ Был прав старик Иммануил,/ Зрел в корень, видел суть./ Наверно, тоже проглотил/ Случайно что-нибудь? (По Канту).

Кант считал, что искусство – «бесцельная целесообразность» и что оно родилось из игры, и Шиллер говорил, что «человек вполне человек только тогда, когда он играет». Это, в определенной степени, свойственно и творчеству нашего автора. Пушкинская строка «Поклонник Канта и поэт» – о Ленском, псевдоромантизм которого представляет абсолютную антитезу творческим принципам Ф. Филиппова. Воспоминание о легком подтрунивании Пушкина над восторженным питомцем муз, плюс ни в какие ворота не лезущее сравнение с образом и мировосприятием исследуемого нами автора, рождает скрытую игру ассоциаций, вызывая улыбку, хотя бы и мысленную.

Весьма заметной особенностью творчества Ф. Филиппова является сочетание высокого слога и обиходной лексики, что, при художественном единстве произведений, индуцирует напряжение внутри текста и одновременно снимает его в нужный момент. Подобным приемом, обеспечивающим комический эффект, автор нередко и с удовольствием пользуется. Архаизмы, «пушкинизмы» («Забывтый ветреной судьбой, / в своей обители смиренной...»); «блаженства миг»; «вотще воз-

дернутые взоры» и т.п.) сплошь и рядом оживают в неожиданном, но органичном взаимодействии с прозаизмами:

«У блох свой мир. Любовь и драки./ Мировоззренческие споры./ Им шар земной – спина собаки./ Жизнь происходит на которой./ Свой обиход, своя культура./ Свое строенье мироздания./ Где в центре их собачья шкура./ И об иных мирах преданья./ У них свои зима и лето./ Свой свод законов непреложных./ Возможно, есть у них поэты./ И даже классики, возможно./ Жаль только – их поэмы, оды/ Нам будут недоступны вечно./ Поскольку нету переводов/ С блошиного на человеческий./ А было бы весьма неплохо/ Знать, что понаписали блохи./ Ведь мы живем в одну эпоху./ А это – документ эпохи!»...

У любого достойного автора (не булгаковского поэта Безродного) своя творческая генеалогия. Судя по всему, наибольшее влияние на Ф. Филиппова оказал «Наше Все»; после него (в меньшей степени) Ф. Тютчев и, безусловно, А. К. Толстой с соавторами Козьмы Пруткова. О каком-то подражательстве речь не идет, можно только улавливать замаскированное общение с классиками, литературные реминисценции, в которых как бы продолжают классические традиции, обыгранные в юмористическом ключе. Иные его стихи напоминают небрежно нарисованный очаг, за которым скрывается потайная дверь.

Стихотворения Фёдора Филиппова, на мой взгляд, можно охарактеризовать как лирико-философские, пропущенные сквозь призму юмора. Или, если угодно, как философско-юмористическую лирику. Чистота и прозрачность поэтического языка, свободное владение техническими средствами, естественность интонации, ясность мысли, афористичность, временами уместная самоирония – камертон тонкого вкуса, не дающего сбоев, оригинальность подачи – все это свидетельствует о неординарном даровании Поэта.

* * *

Пока гармония в природе,
Пока душевно бодр народ,
Пока Парнас и музы в моде –
Тут каждый песню пропоет,
И в восприимчивом эфире
Сама собой звучит струна.
А ты, поэт, сыграй на лире,
Когда она едва слышна.
Когда ты лавром не увенчан,
Пегасу лень копытом бить,
И очень редкие из женщин
Готовы за талант любить.
Сыграй, и звуки извлекая,
Доверь их чистому листу.
И я тебя зауважаю.
И даже, может быть, прочту.

* * *

Как скучно жить на свете, господа.
Все, что вокруг, недорогого стоит.
И человек – практически, вода
По своему химическому строю.
И жизнь, коль философский снять покров –
Круговорот воды. Лишь мысль простая, –
Что это все же – лучший из миров, –
От легких пошлых выводов спасает,
И позволяет скукой пренебречь
Хотя б на время жизни скоротечной,
И верить, что вода способна течь
Меж скучных берегов, журча беспечно.

* * *

Когда бы жил я, скажем, пару
Веков назад, купив коня,
Пошел бы я служить гусаром,
Была бы сабля у меня.
Верхом скакал бы я по полю
На гулкой утренней заре,
Храпел бы конь, почуя волю,
Свисала б сабля на бедре.

Я подъезжал бы к стогу сена,
И там, пейзажку повстречав,
Ей говорил: Все в жизни тленно,
Конфуций в этом смысле прав...
И рот раскрыв от восхищенья,
Пейзанка б слушала меня,
Я, преисполненный значенья,
Слезал бы с гордого коня,
И саблю, чтобы не мешала,
В сторонку клал бы не спеша...
И сено бы благоухало,
И жизнь была бы хороша!

* * *

Был Гамлет прав: все в этом мире – хрень,
И все зависит лишь от восприятия: –
На солнце пятна есть, но этих пятен
Нельзя узреть в осенний серый день.
И солнца самого, при всем старанье,
Узреть нельзя. Так нам и дела нет
До пятен: коль не виден сам предмет,
О пятнах разговор довольно странен.
Пример простой, и здесь он приведен
Для пущей ясности. Хоть и напрасен
О солнце разговор, когда неясен
Сам день, и в серых тучах небосклон.
Но, препарирюя умом упорным
Приметы бытия, ведь знаем мы,
Что солнце это антитеза тьмы –
Не будь его вообще, день был бы черным.
Но серый он, и солнце, пусть и нет
Его на небосклоне, как понятно
Из сказанного, где-то льет свой свет
И там уместен разговор о пятнах.
Но Гамлет, свою реплику сказав
Заранее, не сможет в нем участия
Уже принять. И все равно – он прав.
И, кстати, не по этой только части.

* * *

Я отпил полстакана кефира,
И вдруг понял: нет, это не чай!
И о судьбах подлунного мира
Призадумался я невзначай.
Жизнь идет, время движется рядом.
Жизнь на время глядит, а оно
Удостоить ее даже взглядом
Не желает – ему все равно:
Есть она, нет ее – бесконечность
Больше суммы любых величин,
А вот жизнь, как известно, не вечна,
И зависит от многих причин,
Пребывая в вихренях спонтанном
Фрагментарных коллизий... Эх-ма,
Ведь кефира всего полстакана,
А какие залеты ума!

* * *

Есть мысли в черепушке,
Язык подвешен, блин.
Конечно, я не Пушкин,
Но тоже сукин сын.

* * *

Был день. На небесах редела
Гряда унылых серых туч,
Но сквозь нее уже несмело
Пытался пробиваться луч.
Душа оттаивала малость
И расслаблялся нерв слегка,
И мысль тихонько пробиралась
По закоулкам мозжечка,
И постепенно становилось
Осмысленнее бытие,
И все к гармонии стремилось,
Не понимая суть ее...

* * *

Порою жизнь ко мне строга,
Но ей, в ответ, не строю рожи:
И конь, о четырех ногах,
А иногда споткнется тоже.
Конечно, вовсе не одно:
Лихой скакун и жизнь людская,
И, очевидно, не дано
Ей ног, чтоб бегать спотыкаясь.
Но и без этого она
Находит способы движенья,
И с помощью стихосложенья
Не познаваема сполна.
А значит, до конца не может
Ей адекватен быть поэт,
И смысла тоже, значит, нет
На строгость жизни строить рожи.

* * *

Я тоже был когда-то молодым,
И тоже думал, что я всех умнее.
Проплыли годы, словно чайный дым,
И знаю я: жизнь – глупая затея.
Особенно, когда ты ищешь в ней
Резона, как в комедии дель арте.
И не находишь... Был бы всех умней –
Все раньше понял бы, еще на старте.
Но ты умнеешь только лишь тогда,
Когда готов признать себя дебилом,
И время, что почти что без следа
Прошло, и светлым кажется, и милым.
И глупость жизни ты готов простить,
Приняв ее издержки и резоны
Уж за одну возможность погрузить
По поводу бессмысленности оной.

* * *

Море пело, выводило
Свой пленительный мотив.
Ты по берегу бродила,
Вечер дивно был красив.
Солнце в воду погружалось,
Горизонт слегка алел,
Небо в море отражалось.
Ты бродила, я смотрел.
Время двигалось незримо,
Вечер чудно был хорош.
Ты бродила. Мимо, мимо...
Так и жизнь, ядрена вошь!
Вот она, почти что рядом,
Руку протяни – ан нет! –
Только провожаешь взглядом
Проходящий силуэт...
И сказал я: Ладно, хватит! –
Этак можно до утра:
Побродила на закате –
Ну и ужинать пора.
Море вечно, солнце вечно,
Вечен свет и вечна тень,
Но поесть по-человечьи
Можно лишь три раза в день!

* * *

Когда я что-нибудь пойму,
Я стану, может быть, умнее,
И сам себе же самому
Хоть что-то объяснить сумею.
Но как понять, пока не стал
Умнее, и себе же лично
Сам объяснения не дал
В понятиях вполне привычных?
Я в этом замкнутом кругу
Болтаюсь, как в пруду мочало,
И догадаться не могу,
Где тут конец, а где – начало?

* * *

В любой теории изъян
Возможен, но я лично, каюсь,
К прилету инопланетян
Винишком разным запасуюсь.
Зайдет какой-нибудь ко мне,
Засланец космоса под вечер
И скажет: «Истина в вине!» –
А я готов к достойной встрече.
Мы чашу осушим до дна,
Свой взгляд на истину сближая,
И он оценит вкус вина,
А я его зауважаю.
Пусть в технике мы лет на сто
От них отстали, несомненно,
Но в виноделии зато
Вполне на уровне Вселенной!

* * *

В позиции своей упорен,
Порою – непоколебим,
Я и с царем бы взялся спорить,
Коль был бы не согласен с ним.
Потом, в сибирском удаленье
На звездный глядя небосклон,
Я при своем остался б мненье,
Хоть при своем остался б он.
И в этом – ничего такого,
Что не вмещала б голова:
Поэт имеет право слова,
А царь – имеет все права.

* * *

Сгорая, плавилась свеча.
Тут я сказал ей: «Это точно.
Китайцев много. По ночам
Трудолюбив народ восточный.
А мы, славяне, даже днем
Нелюбопытны и ленивы.
Сейчас бутылочку допьем,
И распрощаемся красиво»...

Она воскликнула: «Молчи!»
И косо на меня взглянула.
Но даже в отблесках свечи
На китайнку не тянула.

* * *

Последний лист на ветке клена
Не знает, что, сменивши масть,
Как и собратья, осужден он,
В конце концов, на землю пасть.
Играя с ветром беззаботно,
Он осени наивно рад,
И думает, что позолота –
Рассвет его, а не закат.
Счастливчик! От сомнений чистым
Умом растения живет.
Так и на землю опадет
Неисправимым оптимистом.

УНЫЛЫЙ СТИХ

Зима. Скучает горожанин.
Лошадки нет, и дровней нет.
Путь обновлять не выезжает
Урбанистический субъект.
Свисают тучи с небосвода
Над серым каменным мешком.
И толпы грустного народа
Уныло движутся пешком.
Скользят и падают. Вставая,
Мешаются с толпой, и там
Кого-то вечно посылают
В довольно скучные места.
Все озабочены, угрюмы,
Спрянув извилины ума...
Хотя, внимательней подумать –
При чем тут, собственно, зима?

* * *

Праздник жизни, молодые годы,
Я провел, как должен молодой
Проводить их: в поисках свободы.
И случалось, находил порой.
Но с годами став чуть-чуть умнее,
Я нашел в извилинах ума
Мысль: зачем гоняться мне за нею?
Если надо – пусть придет сама.
И она, привыкшая к вниманью,
И отвыкшая его ценить,
Осознав угрозу расставанья,
Стала регулярно заходить.
И теперь, не бегая за нею,
Усмирив порывы пылких чувств,
Я свободу полную имею
Всякий раз, как только захочу.

* * *

В этой жизни не много смешного.
Лишь одно в ней могло быть смешно:
Жизнь пройдя, повторить ее снова.
Только этого нам – не дано.
И смеемся мы там, где скорее
Отыскался бы повод для слез,
Потому, что понять не умеем –
Жизнь-то шутит над нами всерьез.
Но попробуй-ка в том разобраться,
Пропустить сквозь нейроны ума
Мысль: что повод имеет смеяться
В этой жизни она лишь сама.

* * *

В Канаде тоже есть березы,
Их даже больше, чем у нас.
Но там, среди канадской прозы,
Поэзии не слышен глас.

Там все размеренно, степенно,
Во всем канадцы знают честь.
Они сдувают жизни пену,
А нам, та пена – жизнь и есть.
Они любой метаморфозы
Срезают острые края,
И дело вовсе не в березах,
А в ощущеньях бытия.
И потому, хоть и похожи
Поля, леса и неба высь,
Там – на хоккее бьют по роже,
А здесь – лишь только попадись.

* * *

Тургенев наш был – патриот.
Бывало, сидит, себе, в Ницце,
Стаканами водочку пьет
И плачет: «Россия, блин, снится!».
Подходит к нему Виардо,
Подносит бокал на подносе:
– Не хочешь. Тургенев, «Бордо»? –
Поставленным голосом спросит.
«Эх, стыдно, Полина! – он ей
Ответит, и жахнет грамм двести. –
Мне водочки, лучше, налей –
Для русских «Бордо» неуместен.
Бескрайний шумит океан,
Но как-то все это – не наше:
По-нашему – дернуть стакан,
Занюхать букетом ромашек...»
Рукою в расстройстве махнет,
Поникнет главою в бессилье,
На стол упадет и заснет
С мечтой о далекой России.
И снится ему Петербург,
Салоны родимой столицы.
А утром проснется – вокруг
Опять ненавистная Ницца...

* * *

Раскинув периметр взора,
Невольно подумаешь вдруг:
Какая красивая флора,
И фауна, тоже, вокруг.
Такие приятные взгляду
Изящные формы, цвета –
Чего же еще-то нам надо?
Что ж нас-то влечет суета?
Зачем-то ведь, создано это,
Какая-то цель в этом есть? –
Не только ж затем, чтоб поэты
Могли это дело воспеть...
Но бегают фауна, флора
Бесцельно роняет листья,
И узок периметр взора...
А были такие мечты!

* * *

Прислушайся к журчанью ручейка.
Бежит, себе, и песню напевает.
Бежит. А где-то ждет его река.
Но до поры он этого не знает.
Там он вольется в массу плавных вод,
И песня оборвется. В молчаливый
Поток он частью составной войдет,
И в общей массе нрав смирит игривый.
Он обретет степенный, плавный вид,
И затеряется в структуре водной...
Прислушайся к нему, пока бежит,
Пока журчит, веселый и свободный.

* * *

Она прошла, прошелестела
Шелками праздничных одежд,
Как будто показать хотела
Мне всю беспочвенность надежд.
Намек я понял тонкий этот,
Но не обиделся ничуть:
Подумаешь, блин, чудо света! –
Мне сто таких – разок моргнуть.

Она прошла. И оглянулась –
Ну, как реакция моя?
Проснулась ли и шевельнулась
Дремавшая в груди змея?
Но не моргнул я гордым оком,
Не шелохнулось естество,
И на челе моем высоком
Не отразилось ничего.
И мигом спесь с нее слетела,
Понуро дальше побрела...
А жаль! Шикарное, ведь, тело.
Вот, поумнее бы была...

* * *

Понятно мне весны веселье, –
Ей все забавно и смешно,
Ведь с грустной порой осенней
Ей повстречаться не дано.
Она резвится и играет,
Сама собой увлечена,
И что придет пора иная
Не знает юная весна.
А я, весь год обозревая,
Вставляя в рамки бытия,
Завидую ей, что не знает
Она того, что знаю я....

ОДА ХЛОРОФИЛЛУ

Парю орлом, хоть сам – бескрылый,
Хоть внешне ровная спина.
Июнь... И свежим хлорофиллом
Природа юная полна.
Вода в реке еще прохладна
И, несмотря на зной, пока
Купаться рано. Ну и ладно! –
Еще прогреется река.

А хлорофилл – с ним все в порядке.
Трава, листва, зеленый лук
На ровной огородной грядке... –
Короче, всюду и вокруг.
И так и хочется природу
Воспеть, что есть душевных сил,
За эту чудную погоду,
За этот славный хлорофилл!

* * *

Несут меня текущих дней
Шальные волны.
Я только в памяти своей
Хозяин полный.
«Тут» мною властвует момент,
Играет случай,
А «там» начальник я – и нет
Начальства круче.
А «там» я самый главный босс, –
Всем правлю разом.
И мне опасен лишь склероз
И... этот, ну, как бишь его...
Глубокий старческий маразм...

* * *

Я древним греком не рожден.
Не принимал в осаде Трои
Участья и не стал героем
Гомера. Сын иных времен
Себе не заслужил я места
В поэме классика. Зато
Порою сам, геройства вместо,
Пишу стихи. В год штук по сто.
И в каждый стих себя вставляю,
И в каждом обществе пример
Я положительный являю...
Так что мне Греция, Гомер?

Из цикла «прогулки по лесу»

1.

В лесу кудрявом на опушке,
Из чащи выйдя, встретил я
Случайно юную пастушку
Почти без верхнего белья.
Мелькнула дерзкая мыслишка,
И я сказал ей: «Подержи
Мое двустольное ружьишко
Пока достану я пыжи».
«Мне делать нечего, мужчина, –
Последовал прямой ответ. –
Для приставаний – есть причина,
Но заставлять работать – нет».
Сказав, походкой топ-модели
Ушла в кудрявый темный лес,
А я, с ружьем наперевес,
Застыл без смысла и без цели.
Хотел обидеться сперва,
Но не нашел в обиде толку:
Она ж, по-своему, права –
Зачем ей, собственно, двухстволка?

2.

Однажды я в лесу сосновом
Из чащи на опушку вышел
И волю дал свободе слова,
Пока меня никто не слышал.
Лепил без всякой задней мысли,
Без боковой и без передней, –
На хвое веток густо висли
Мои озвученные бредни.
Я был один, и не стеснялся
Ненормативности речений.
Вдруг в чаще дятла стук раздался.
Стучал он тоже с увлечением.
Я приумолк, ему внимая,
Заноза в совести засела:
Я – тут бесплатно дурью маюсь,
А кто-то – занят нужным делом!

А он стучал опять и снова,
Лес наполняя гулким звуком...
Что – вся моя свобода слова,
Перед – его свободным стуком!

3.

Однажды, сидя на опушке
На пне, изрядно замшевелом,
Я вдруг заметил как кукушка
На ветку лиственную села.
«Ну, что, – сказал я ей, – подруга,
Вот мы с тобой сидим здесь чинно,
И дергаться нам нет причины,
А где-то жизни центрифуга
Гоняет атомы Вселенной,
Переводя из ипостаси
В другую все попеременно,
И возвращая восвояси».
«Ку-ку!» – ответила кукушка
Уклончиво, неоднозначно,
И улетела прочь с опушки.
Задело за живое, значит,
Ее мое к ней обращенье.
Но маленькой своей головкой
Составить не умея мненья,
Нашла она довольно ловкий
И легкий вариант отката,
Мне доказав без диалога,
Что – разум есть и у пернатых,
Хотя, извилин и не много.

* * *

Правительство, и даже тот, кто выше,
Меня заочно любят. Но они
Ни похвалы моей себе не слышат,
Ни критики конкретной...
– «Помяни,
Офелия, меня в своей молитве!» –
Сказал однажды Гамлет. А она
Не помянула...

В повседневной битве
С реалиями жизни, чтоб страна
Имела поступательность движенья,
Увы, не до меня большим чинам.
Хоть я не склонен к самоприниженью,
Но кто я? Мелкий писарь. Временам,
В которые я занесен судьбою,
Едва ли соответствовать готов...
Офелия, принц не шутил с тобою,
Но ты не поняла серьезность слов.
Ну, помянула бы? – глядишь, иначе
Все повернулось, и бежать к ручью
Не нужно было б. А нырять – тем паче.
А там и принц простил бы мать свою.
С Лаэртом драки не было б. Полоний
Остался б жив, и до сих пор бы жил,
И Клавдий, посидев чуть-чуть на троне,
С себя бы полномочия сложил.
И – полный кайф... А надо было б точно
Лишь просьбу принца выполнить... Ан, нет!..
Правительство ж меня, пусть и заочно,
А любит. Как и я его, в ответ.

* * *

Мелькнула жизнь. Хоть и осталось
Еще немного покорпеть,
Но это все – такая малость,
Коль трезвым оком посмотреть.
Когда по юности беспечной
Страницы первые листал,
Жизнь представлял я бесконечной
И дней летящих не считал.
Теперь я не считаю тоже,
Но по причине уж иной:
Я знаю – счет мне не поможет
Срок увеличить временной.
А жизни что? – мои заботы
Не сильно трогают ее:
Она пройдет, возьмет свое,
И скроется за поворотом...

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Дабы поэзия во мне
Рождала искренние чувства,
Я должен изменять жене,
Чтоб та осталась в стороне
И стала жертвою искусства.
Но не подвергну ни хрена
Ее подобному я стрессу,
Иначе, и сама жена,
В поступках чувственных вольна,
Невольно станет поэтессой,
И в поиске иных страстей
И вдохновенного напева,
Повадится ходить налево...
Как я могу позволить ей?
И потому, хоть сочиняю
Стихи интимные вполне,
По жизни я своей жене,
Как правило, не изменяю!

* * *

Спасает книга человека
От праздности унылых дней.
Она, подобно как аптека,
Полна лекарственных затей,
Которые при тихом чтенье
Нейроны скромного ума
Питает соками ученья,
Душе полезного весьма.
Типографические знаки,
Сведенные в словесный ряд,
На солнце мысли аки злаки
На ниве спелые горят.
Недаром же зовется нивой
И просвещенье... Лишь беда:
Средь будней жизни суетливой
Где праздность взять хоть иногда?

* * *

Когда скрипач сыграет у трактира
Из Моцарта, фальшивя, пару нот,
Я не скажу ему: Эй, обормот,
Ты портишь мне творение кумира;
Я не скажу: Кто дал тебе смычок
В корявую бесчувственную руку,
Где музыкальную ты постигал науку, –
Я просто в ухо дам ему тычок,
Чем докажу бессовестному плуту
Без слов, что вянут уши у меня,
И пусть поймет он в данную минуту:
Терзанье скрипки – вовсе не фигня,
Но важный акт, и если предлагаем
Другим, то должен быть у них в чести.
А если не поймет... Но, полагаю,
Сей аргумент не может не прийти.

* * *

Не говори: я время проведу
С приятностью и пользой несомненной,
И где-то в дальнем уголке Вселенной
Спокойно буду дуть в свою дуду,
Никем не беспокоемый, пуская
В пространство звук, ласкающий весьма
Мембраны слуха... Нет, мечта такая –
Свидетельство негибкого ума:
Ты можешь жизни срок как хочешь тратить,
Но Время, все равно, идя вперед,
Пройдет своим путем, и в результате,
Тебя, куда ни прячься, проведет.

* * *

Когда-то некий Блез Паскаль, –
Фамилия весьма смешная, –
Сказал, печально глядя вдаль:
– Где жизнь окончу я – не знаю.

Он не сказал: – Не знаю – чем? –
Был в курсе, видимо, философ,
А если знаешь, то зачем
Пустые задавать вопросы.
Сказал он: – Где?.. Ведь белый свет
Длины и широты немалой.
Но Блез не получил ответ,
Пока Судьба не подсказала.
Пока не приоткрыла тьму,
И стал ответ ему известен.
Однако, в тот момент ему
Он был уже не интересен.

* * *

Когда я стану древним, как Адам,
Который жил веков почти что десять,
Я о любви высокий цикл создам,
Чтоб на веревку страсти стих повесить,
И пусть висит, как сушится белье,
Под ветром у ближайшего фиорда,
А спросит кто-то: «Это все твое?»
– А ты как думаешь? – отвечу гордо.
И он поймет, и головой кивнет,
Своей надменной выи не жалея,
И с грустной миной на лице уйдет,
А я останусь тут, как панацея.
И Бог узрит, что я душою чист,
И дни мои продлит из чувства долга,
И буду я, как запоздалый лист,
Висеть на ветке жизни долго-долго!
Подует ветер, на землю упаду,
Но стану не заправским перегноем,
А превращусь в вечернюю звезду,
Указывая путь ковчегу Ноя!
И скажет, глядя на звезду поэт:
Какой дурак придумал этот бред?!

* * *

– Скажи, что с нами происходит? –
Она спросила у меня. –
Неужто, и любовь уходит,
Как солнце на закате дня?
Взглянув с улыбкой на зарницу,
Подумал я и дал ответ:
– Любовь ушла – и больше нет,
А солнце – утром возвратится...
Она вздохнула: – Эх, дела...
И что-то, там, смахнула с глаза.
Но тонкости изящной фразы,
По-моему, не поняла.

* * *

Был август. Лето зеленело
Последней свежестью листвы.
Свое изнеженное тело
Под солнцем ублажали вы.
Вы говорили: Август – это
В цепи отдельное звено:
Уже как будто и не лето,
Но в то же время – и оно...
Я соглашался, головою
Кивая молча: как поэт,
За тело дивное такое
Я мог простить и большой бред.
Слова, составленные ловко,
Удел природы непростой,
А эта милая головка
Имеет право быть пустой!..
Пришел сентябрь. Дохнул бореем.
Прохладной сделалась среда.
Сказали вы: Что мы имеем,
Ценить не можем иногда...
И после этой вашей фразы
Я стал печален и уныл,
В вас заподозрив скрытый разум, –
Я не за это вас ценил!
Нарочно в разговоре с вами
Я не касался умных тем:
Мужчина может быть с мозгами,
Но женщине они зачем?

Ее оружие другое,
Ее оружие сильней,
И там, где он берет мозгою.
Достаточно улыбки ей...
И вдруг, поймав прозрачный, ясный, –
Душевной сути ипостась, –
Ваш взгляд, я понял: страх – напрасный,
А фраза – просто сорвалась...

* * *

В собрании питомцев муз
Есть миг, приятный особливо,
Когда, таланта сбросив груз,
Идут поэты выпить пива.
Тут все равны: и чье чело
Венком увенчано лавровым,
И кто в строке связать два слова
Не в состоянии зело.
Они стоят, судачат пылко,
Мешая быт и бытие:
В руке у каждого бутылка,
В башке у каждого свое...
О, сладкий миг для графомана,
Эрзац дуэльного свинца:
Достать полтинник из кармана
И пивом угостить певца!

* * *

Не все и не всегда. А если – да, то – если.
А то и вовсе – но. Что, в общем, все равно.
А кто-нибудь сидит в удобном мягком кресле,
Скучающе глядит в открытое окно.
И косточки плюет от вишен из компота, –
И, может быть, он прав: жизнь все равно смешна,
И козь не суета да вечная забота,
Возможно, без следа промчалась бы она...
Но тот, кто ей живет, и кто изображает
Осмысленную жизнь, с судьбой держа пари,
Кто он и для чего он здесь – не понимает,
Поскольку не понять движенья изнутри.

* * *

Однажды д'Аламбер сказал Лагарпу:
– Поедьте на речку, друг Лагарп! –
Закинем удочку, поймаем карпа, –
Слыхали, как хорош в сметане карп?
Но поглядел Лагарп на д'Аламбера,
И отвечал: – Готов принять слова
Из ваших уст про карпа я на веру,
Но занята не рыбой голова.
– Лагарп, мы, видимо, друг друга с вами
Не поняли, – развел руками тот. –
Насколько знаю, карпа да в сметане
Не в голову берут, отнюдь, а в рот.
Но был Лагарп не прост, как всякий критик,
Ответил д'Аламберу он: – Увы,
Все понимаю я, но рот, простите,
Находится в пределах головы!..
Сказав, ушел, довольный каламбуром.
А д'Аламбер, едва взошла заря,
Взяв удочку, поехал на натуру.
Лагарп остался в городе. И зря!

* * *

Природа, в общем, гармонична,
Когда ее представить в целом.
А у меня, положим, лично
Душа не гармонична с телом.
Душа имеет устремленья,
А тело тянется к покою,
И получается такое
Одной природы раздвоенье,
Что, совершая жизни трафик,
Я должен вечно выбор делать:
И хочется душе потрафить,
Но не чужое мне и тело.
И вечный я вопрос решаю:
А состоит ли, в виде следствий,
Одна гармония большая
Из суммы двух несоответствий?

* * *

Она была женой поэта.
Прекрасная, как утро дня.
И не какого-нибудь Фета,
И уж, тем паче – не меня.
Она стихи его любила.
Бывало, только рассвело,
Поэта сонного будила,
Несла бумагу и стило.
Садилась рядом, и взирая
На творческий нелегкий путь,
Твердила: Вот ворота рая –
Стучись, откроет кто-нибудь!..
Ее надежды воплотились
В реальность: екнуло в груди,
Когда ворота отворились
И прозвучало: Заходи!
Она поэту подмигнула:
– Я ж говорила, мол, ну вот! –
И в створки быстро прошмыгнула,
Его оставив у ворот...
Домой вернулся он, на койку
Улегся, и теперь живет
Спокойно без нее... Ах, сколько
Коллизий наша жизнь дает!

* * *

Он был поэзии не враг,
Хоть к ней и не питал почтения.
Ему был близок пастернак, –
Как огородное растение.
Он им закусывать любил
Различной звездности напитки,
А что стихов не знал, так был
В моральном плане не в убытке.
Чего не знаешь ты, того
Жалеть особой нет причины.
И уважали все в его
Лице солидного мужчину:

Стих сочинит любой дурак, –
Нашлась бы лишняя минута, –
Вот коньёчек под пастернак –
Как ни крути, а это круто!

* * *

Мудрец сказал, мол, счастья нет.
Другой мудрец ему ответил:
– Нельзя без счастья жить на свете...
Услышал этот спор поэт.
Он не был мудрым человеком,
Но остроумным был вполне,
И попросил: В понятиях века
Определите счастье мне?
Два мудреца умолкли разом,
В сердцах нахмурили чело:
Их ум накрылся медным тазом,
Как до конкретики дошло.
Поэт ушел писать баллады.
А мудрецы, повесив нос,
Глядели вслед потухшим взглядом...
Порою в споре просто надо
Поставить правильно вопрос.
И тут уж не важны ответа
Ни суть, ни прочие дела...
Но что касается поэта –
Кто спрашивал его, козла?

* * *

Нептун, который есть, по сути,
Простая выдумка ума,
Гоняет по морю шторма
И воду в океане мутит,
Доказывая, что – хотя
Он умозрительной природы,
Обязаны с ним мореходы
Считаться вовсе не шутя.
Пусть он и выдумка всего лишь,
Игры воображенья плод, –
В его неvirtуальной воле
И мирный штиль, и буйство вод.

Он может добрым стать на время,
Иль напороть корабль на риф,
И рассчитаться вмиг со всеми,
Считающими, что он – миф.

* * *

Не верь поэту, дева: он,
Озвучивая тезис спорный –
Любви все возрасты покорны –
Имел в виду, что жизнь есть сон,
И что во сне, утратив связи
С реальностью, мы можем вдруг
Слепить из всякой липкой грязи
При помощи умелых рук
Себе любую Галатею
И жизнь в нее вдохнуть...

Увы,

Приходит утро и затею
Явь гонит прочь из головы,
И в ход идет закон природы:
Что возраст, как ты ни крути,
А это – прожитые годы,
В течение коих на пути
Бывало разное, и нервы, –
Как нам известно не из книг, –
Совсем не те, что в самый первый,
Увы, неповторимый миг.
И сердце холодней гораздо,
И ум вникает глубже в суть...
Конечно, мы еще гораздо
Порою кое-чем потряхнутъ,
Но предаваться бурной страсти,
Сгорая в чувственном огне? –
Держаться от такой напасти
Предпочитаем в стороне.
Да, сами мы еще с усами,
Но уж дожили до седин,
Когда пожар не тушим сами,
А набираем «01».

* * *

Так уж устроен этот мир:
Всему свой срок, рубеж и фаза.
Я каждый день хожу в сортир,
А иногда – и не по разу.
Откуда в теле, данном мне,
Такой запас ненужных шлаков?
И дело даже не во мне.
Но хочется сказать – однако! –
Вглядишь, о гордый человек:
Вот ты красив и телом статен,
Живешь, мечтой стремишься вверх...
А что выходит в результате?

* * *

Зима. Унылый город. Стужа.
Вдоль тротуара грязный снег...
Нет, это не обитель нег.
Нет, это все гораздо хуже.
Но – тоже жизнь. Да и к тому,
Как утверждают реалисты, –
Единственная – путь тернистый
Из тьмы сквозь свет опять во тьму.
А значит, этот город серый –
Еще и светлое пятно.
И, раз уж нет иных примеров,
Приходится все брать на веру
И принимать что нам дано:
И этот снег вдоль тротуара,
И эту скуку декабря,
И думать, что живем не даром,
А может, даже и не зря.

* * *

Снаружи еж довольно колок
И на него, поскольку он
Снабжен большим числом иголок,
Садиться вовсе не резон.
Наоборот, садиться в кресло
Резон естественный вполне:
Не колет кресло зад и чресла,
Не вызывает боль в спине.

Но кресло, вместе с тем, не может,
Хотя и создает уют,
Поймать, как еж, без нервной дрожи,
И съесть ни крысу, ни змею.
Отсюда, очевидно мненье,
Как следствие, не как каприз,
Что кресло – лучше для сиденья,
А еж – для ловли змей и крыс.

* * *

Я должен, как художник, возвышаться
И над самим собою и над веком.
Но оставаясь трезвым человеком,
Как тут слегка умом не помешаться?
Как быть в одно конкретное мгновенье
Внутри и, в то же время, вне себя же?
А если это и удастся даже –
Как избежать природы раздвоенья?
Ведь, говорят, душа не делима.
И ежели природе я послушен,
То, как художник, должен быть бездушен,
Иль – двоедушен, как властитель Рима,
Который сам поджег свой город Вечный,
И сам воспел удачную затею.
А, в общем, был простой и человечный,
Что признавали даже иудеи.

* * *

Все в мире призрачно. И жизнь сама
Лишь череда неясных очертаний,
Фантомом возбужденного ума
Плывущая по озеру мечтаний,
Которое само – не более, чем тень
Несбыточных рефлексий альтер эго.
И день уходит в ночь, а ночь уходит в день,
И время мечется меж альфой и омегой.
Все в мире призрачно. Но все легко
Понять и разложить по нужным полкам,
Не надо лишь пытаться глубоко
Залезть туда, в чем слишком много толку.

Что не дано постичь – то не дано.
А что дано – придет само без спешки.
В дебюте все равны, все рвутся к цели, но
В ферзи проходят избранные пешки.
Но кто тебе сказал, что ты – один из них?
Точней, одна – поскольку, пешка – дама.
Живи пока живется, а программу
Узнаешь после, там, где все мы будем...

* * *

Поэт от общей массы тем отличен,
Что понимает фибрами души:
Логический конец – всегда трагичен,
И сколько ты на фразе ни пляши,
Как ни жонглируй рифмами умело,
Ни доставай гротеск из рукава, –
Когда дойдет до истинного дела –
В дым обратятся легкие слова.
Взлетят – и, потеряв температуру,
Обратно серым пеплом упадут,
И лягут, как явление культуры,
Но смысла бытию не придадут,
Не озарят лучом шального света
Потемки горьких истин... Потому –
Не требуй откровений от поэта, –
А лучше – чаще подливай ему.

МОНУМЕНТ

Стоишь, твердо волю собрав ты
В единый и крепкий кулак.
Летят над землей космонавты,
Пронзают космический мрак;
Плывут под водой водолазы,
Ныряя сквозь толщу глубин;
Меняет жизнь формы и фазы, –
Ты только недвижим один.
Палят тебя альфа и бета
И прочие гамма лучи.

Закаты сменяют рассветы
И гаснут в угрюмой ночи.
Вокруг ходят люди толпою,
Спешат, ловят жизни момент.
Лишь ты непреклонно спокоен,
Упершись ногой в постамент.
Ты путь указуешь десницей
Могучей гранитной своей.
На голову голубь садится,
У ног мельтешит воробей.
Стоишь ты с серьезною рожей,
И смотришь на всех свысока, –
А сам даже птичку не можешь
Турнуть или дать ей пинка...

* * *

Иду, положим, по бульвару,
Прогуливаюсь просто так:
Мужчина видный и не старый, –
В созрелых, так сказать, летах.
Листва деревьев золотится
При свете солнечного дня,
А мимо шастают девицы
И – ноль вниманья на меня.
Нет, я на них не обижаюсь,
Лишь только в сторону слегка
Сдаю, их бегу не мешаясь:
Они же глупые пока.
Их интеллектуальный компас
Вращает стрелку наобум,
Им невдомек, что так, без помпы,
Идет поэт, властитель дум.
И я для них – один из кучи,
Среди толпы невыделим.
Но ничего, их жизнь научит
Простым премудростям своим.
Они поймут, в познании мира
Пройдя по жизненной тропе,
Что настоящие кумиры
Не выделяются в толпе!

Вариации на тему: Дорога жизни

1.

С утра пред нами мир как глобус, –
Такой же яркий и цветной.
Садимся в рейсовый автобус
И предъявляем проездной.
День наступает очень скоро.
Сидим, глядим по сторонам,
И ждем спокойно контролера, –
С билетом он не страшен нам.
Но вот уж вечер. Гладь дороги
В тумане, мрачен небосклон.
Непререкаемый и строгий
Заходит контролер в салон.
И силой данных полномочий
Нам дальше ехать не дает,
Поскольку – проездной просрочен,
Да и автобус в парк идет.

2.

Сказал незлобивый поэт.
Окончив две строфы сонета:
Вся жизнь – дорога в туалет.
Ну, иногда – из туалета.
И смысл ее, хоть иногда
Нам хочется совсем иного –
Журчащая в бачке вода,
А не восторженное слово.
Он написал еще шесть строк
И голову подпер рукою:
– Но, впрочем, жизнь – не долгий срок,
И надо брать ее такую.
А что касается воды,
Как атрибутики клозета –
Она смывает все следы.
Спасибо ей уже за это!

* * *

Сидел я тихо у ручья,
Как бы у времени в засаде,
Свой взгляд на тайны бытия
Пытался бросить, в воду глядя.
Катилась мирно H_2O ,
Как ей природой полагалось,
Но я не видел ничего,
Что ниже дна располагалось.
И вдруг подумал: Это дно
Совсем не так уж однозначно:
Мне близким кажется оно
Покуда толща вод прозрачна,
И линзой служит, чтобы глаз,
Согласно физики законам,
Обманывался каждый раз,
И мысль бежала по нейронам:
«Какие тайны бытия?
Какие смыслы мирозданья? –
Когда я глубину ручья
Определить не в состоянии»!

* * *

Упал валун в ручей с холма
И перекрыл воды стремленье.
Какая пища для ума
И тема для стихотворенья!
Не так ли жизнь? – бежит вперед,
Куда ее течение гонит, –
Вдруг прямо на пути встает
Старуха в белом балахоне.
Туда-сюда, – а ходу нет,
И скорость бега нулевая.
Сиди, пиши стишок, поэт,
Ручьями слезы проливая.
Но помни: дырочку вода
Найдет, назло любым запретам.
А человеку – никогда
Не обмануть старуху эту...

* * *

Намек судьбы порой обманчив
И суть сокрыта между строк:
Ты думаешь, что ты – стрелок,
А ты – молоденький кабанчик,
Забывший свой природный страх
И выбежавший на опушку,
Где случай, спрятавшись в кустах,
Уже берет тебя на мушку.
Блестит на солнце сталь ствола,
И поздно обсуждать детали,
Кричать: Что это за дела? –
Меня же на охоту звали!..
Повиснет в воздухе пустом
Твой крик вопросом безответным.
...Да, на охоту. Но, при том,
Не уточнили – кем конкретно.

* * *

Какие чудные глаза,
Весь мир в них отражен, а это
Всего лишь просто стрекоза
Вдруг залетела в стих поэта.
Он был, тот стих, уныл и сер.
Он был похож на сотни прочих,
Имея правильный размер
С чередованьем ровных строчек.
Но залетела вдруг она,
И занесла все краски мира...
Поэт провел по струнам лиры –
И сам не понял ни хрена.

* * *

Петрович, жизнь такая штука,
Похожая на спелый плод:
Вот, кажется, протянешь руку –
И сам он в руку упадет.
Надкусишь – и перед тобою
Вся панорама дней видна,
И ты командуешь судьбою,
Как новобранцем старшина.

Сам выбираешь направление, –
Предвидя – что, когда и где, –
И скорость нужного движенья,
И остановки по нужде.
От нетерпения сгорая
И зная правила игры,
Ты тянешь руку, осязая
Прохладу спелой кожуры...
Но и судьба не дура тоже, –
Знаком ей фокус не один:
Срываешь плод, на жизнь похожий,
А это – просто апельсин.

* * *

Летучие рыбы летать не умеют:
Летучие рыбы в полете балдеют,
Поэтому, стоит лишь в воздух подняться,
Как тут же приходится им приводняться.
Уйти в глубину, и оттуда с разгону
Попробовать вновь полететь к небосклону,
Подняться к светилу и на солнцепеке
Поджарить немного округлые боки.
Но, как уже сказано ранее было,
Балдеют они, и кончаются силы,
И падают в воду, в среду обитанья –
Желаньем одним не дается летанье.
Желанье, конечно, великое дело,
Но в небе летает не всякое тело,
А только которое крылья имеет
И, в воздух поднявшись, не сильно балдеет.

* * *

У Клары был аккордеон,
И Карл, сосед с большим кларнетом.
Зашел однажды в гости он
К ней по-соседски жарким летом.
Спросил он: Клара, помню, ты
Зимою как-то надевала
Колье небесной красоты, –
Где те прекрасные кораллы?

Она смутилась, но в момент
Взяла себя обратно в руки:
– На музыкальный инструмент
Я поменяла их от скуки.
Теперь кораллов больше нет,
Но я нисколько не жалею:
Ведь можем мы сыграть дуэт,
Желанье общее имея...
Кларнет божественно звучал,
Аккордеон – подстать кларнету.
И одинокая свеча
Напрасно спорила с рассветом.

ПО КАНТУ

Я пуговицу от пальто
Случайно проглотил.
Теперь во мне есть кое-что,
Что на себе носил.
Тогда была нужна она,
Являя часть пальта,
А ныне на хрен не нужна
Мне пуговица та.
Но стали с нею мы родня
По жизни и судьбе:
И ночью, и средь бела дня
Ношу я вещь в себе.
Был прав старик Иммануил,
Зрел в корень, видел суть.
Наверно, тоже проглотил
Случайно что-нибудь?

* * *

Вот я спрошу у Вас чуть слышно,
И это вызовет улыбку:
«Бездонно небо иль бескрышно»?
Вопрос, конечно, на засыпку.
Вопрос, конечно, бесполезный,
Но не всегда же быть практичным:
«Что небо – высота иль бездна? –
Как полагаете Вы лично»?

Взгляд иронический поймаю,
И повторю для уточнения:
«Да, я Ваш скепсис понимаю,
Но интересно Ваше мнение»...
И Вы ответите на это
Разумно и, отчасти, дельно:
– Я знала – дураки поэты,
Но чтобы так уж, беспредельно!
И мерно бедрами качая,
В вечернюю уйдете просинь.
А я пойду и выпью чаю,
Поскольку водку пить я бросил.

* * *

Душе неведомы пути
И прихоти судьбы индейки:
Ты в этот бранный мир прийти
Мог деревянную скамейкой.
Ты людям честно бы служил
И был всегда с народом рядом,
Когда он, выбившись из сил,
Тебя полировал бы задом.
Судьба завидная весьма! –
Усталым чреслам быть подпоркой, –
И никаких потуг ума,
И никаких заноз в подкорке.
Да, в этом точно что-то есть:
Быть в единении с природой,
Неся благую весть народу:
«Семен и Клава были здесь».
Одно лишь только жаль, что место,
На чем у нас сидит народ,
Неграмотно, и чтенья вместо
Другие звуки издает.

* * *

Мадам, к чему разгул страстей?
К чему эмоции без края?
Ведь все пути ведут в постель
И к отрешению от рая.

Но рай не светит все равно
Нам, грешным по определенью,
Зато нам открывать дано
Дорогу новым поколениям
Тем способом, что заложил
Господь в различья половые.
А страсти до разрыва жил...
Как будто вам, мадам, впервые?
Нет, я не хам. И не пошляк.
Я просто честный, пусть и грешен.
За что я должен быть повешен?
За шею? Хорошо, хоть так.

* * *

Вставай, Саврасов, вот пол-литра,
Давай, художник, похмелись,
Рукою твердою берись
За кисть, макай ее в палитру.
Взгляни в открытое окно:
Грачи летят! Рисуй с натуры.
Пусть будет это полотно –
Твой вклад в развитие культуры.
Придет на выставку народ
И в единении спонтанном
Воскликнет хором: Во, дает!
Не то, что Врубель с Левитаном.
Воскликнет: Вот она весна,
В простой красе, без выкрутасов...
Грачи летят! Скорее, на! –
Прими стакан-другой, Саврасов.
Уйми в руках шальную дрожь,
Уже сидят на ветках птицы.
Талант, художник, не пропешь.
Покуда есть, чем похмелиться!

* * *

Она Эрота увидала
Во всей естественной красе:
Он с неприкрытым мадригалом
Бежал куда-то вдоль шоссе.

Она воскликнула: Парнишка!
Я не скажу, что ты – дебил,
Но ты забыл надеть штанишки,
Когда из дому выходил.
– Я не забыл, – Эрот ответил
Без всякой думы на челе, –
А не надел штанишки эти
Я ради жизни на земле...
Он добежал до поворота
И улетел куда-то вдаль.
И стало грустно ей чего-то,
И стало ей чего-то жаль.
И где-то что-то засвербило,
И где-то кошки заскребли.
А в небе солнышко светило
И в поле лютики цвели.

* * *

Когда б Кассандра помолчала
Хотя бы пару-тройку лет,
И в бедной Трое не звучало,
Что никакой надежды нет,
Что все равно до основания
Разрушен будет Илион, –
То в битве за существование,
Глядишь, и выстоял бы он.
Но смельчака не отыскалось
Заткнуть пророческий ей рот,
И даже камня не осталось
В ахейский кинуть огород...
Когда б истории уроки
Учили нас чему-нибудь,
Мы понимали б, что пророки
Лишь только предлагают путь.
Да, с ними спорить бесполезно,
Но сами мы вольны решить:
Идти в указанную бездну?
Иль – их в психушку поместить?

* * *

Один – улыбается миру,
Другой – тупо смотрит в окно.
Один – сотворяет кумиров,
Другой говорит: все оно!
И если б на разное что-то
Глядели они, так ведь нет, –
Но разные точки отсчета,
И кажется разным предмет.
А третий – реальность не судит:
За ними следит без тоски,
И думает: глупые люди, –
Что дергаются, дураки?
Нет в этом ни смысла, ни проку, –
Одна плохо скрытая спесь:
Как мир ни оценивай сбоку –
Останется тем, что он есть.

ИХ НРАВЫ

Александр Петровичу-Сырову

Был Марсий глуп. Забыл законы
Парнасских гор. И получил.
Нашел с кем спорить? С Аполлоном.
Какую штуку отмочил.
Ну, что ж, теперь живи без кожи,
Забывший принцип бытия,
Что смертный победить не может
Того, кто сам себе судья.
Да, Марсий глуп. За что наказан.
Но что простительно глупцу,
С мозгою, сдвинутой вдоль фазы,
То Аполлону ни к лицу.
Он проявил себя не богом,
А так, божественным слегка:
В соревновании с убогим –
Победы честь не велика.
И если б я во время оно
У гор парнасских проживал,
Болел бы не за Аполлона,
Хоть сильно бы и рисковал.

* * *

Нам кажется, что мы умны.
Мы смотрим на других уныло.
А взять на взгляд со стороны –
И мы такие же дебилы.
И каждый каждого вполне,
И с полным основанием тоже,
Считает, сидя в стороне,
Унылою дебилной рожей.
Один поэт природе мил:
Талантом жизнь его ссудила.
Но присмотрись – и он дебил,
И даже первый среди дебилов.
И он отличен от других
Лишь тем, что рифмы сочетая,
Напишет про дебилов стих,
А те, другие, прочитают.

* * *

Нет вечного на белом свете, –
Сказал мудрец. Но не учел,
Что все поэты – вечно дети.
И это – не считая пчел.
И пчелы тоже вечно дети.
Так жизнь придумала сама:
В пчеле, как в истинном поэте,
Есть много чувств, но нет ума.
Они жужжат, – и те, и эти,
Считая, что способны петь.
Что делать: дети – это дети.
Не дай же, Бог, им повзрослеть.

* * *

У блох свой мир. Любовь и драки.
Мировоззренческие споры.
Им шар земной – спина собаки,
Жизнь происходит на которой.
Свой обиход, своя культура,
Свое строенье мироздания,
Где в центре их собачья шкура,
И об иных мирах преданья.

У них свои зима и лето,
Свой свод законов непреложных.
Возможно, есть у них поэты,
И даже классики, возможно.
Жаль только – их поэмы, оды
Нам будут недоступны вечно,
Поскольку нету переводов
С блошиного на человеческий.
А было бы весьма неплохо
Знать, что понаписали блохи,
Ведь мы живем в одну эпоху,
А это – документ эпохи!

* * *

Когда я выгляну наружу
Своих естественных оков,
Я непременно обнаружу
На стенах пыль былых веков.
На вечных стенах мирозданья
Ее скопился толстый слой:
Надежды, радости, страданья, –
Остатки сущности былой.
Там люди жили и любили,
Надеясь свой оставить след,
Но сохранились только пылью.
А от иных – и пыли нет.
И я не стану исключением,
Как сильно б ни хотелось мне,
И все мое предназначенье –
Слой увеличить на стене.

* * *

Чтоб воду в ступе не толочь,
Возьмем пример седого века:
Одна Египетская ночь –
И больше нету человека.
Но, видимо, была она,
Та ночь полна такой любовью,
Что не боялись ни хрена
Мужчины принимать условье.

На ложе, как на эшафот,
Всходили, не кляня судьбину.
Теперь народ уже не тот –
И Клеопатры, и мужчины.
Мы научились жизнь ценить,
В ней не спешим поставить точку,
И нет желанья заменить
Ее одной волшебной ночью.
Как хочешь это назови, –
Судьбой иль фигою в кармане,
Но все-таки насчет любви
Наш век значительно гуманней.

* * *

Уж так устроены мозги,
Что не у всех они похожи.
Где вы не видите ни зги,
Я этой зги не вижу тоже.
Но вы отводите свой взгляд,
Ее теряя в поле зренья,
А я достраиваю ряд
От ощущения до явленья.
Сквозь расстоянья, времена
Бросаю смелый взор поэта:
И вот мне зга уже видна.
Хоть, может, там ее и нету.
Как неизвестно: с корабля
Видал матрос Колумба сушу?
Но он кричал: Земля! Земля!
И Христофор его послушал.

* * *

«Наш путь познания – путь сомненья», –
Мне говорит ученый муж,
Как будто знает направление,
И расстояние, к тому ж.
Как будто сам прошел дорогу
Почти до самого конца
И, сомневаясь понемногу,
Обрел всезнанье мудреца.

А я гляжу и сомневаюсь
В его претензиях на ум,
И, значит, тоже продвигаюсь
К познанию, пусть и наобум.
Но хватит ли сомнений этих –
Себе отчета не даю,
А главное – кто мне ответит:
Что, собственно, я познаю?

* * *

Адмирал Ушаков
Не любил дураков.
Подзовет он, бывало, матроса.
Скажет: Ну-ка, матрос,
А задай мне вопрос...
И ответит матрос: Нет вопросов!
– Молодец, если так:
Значит, ты – не дурак, –
Скажет гений российского флота. –
Лезь на рею скорей
Озирать даль морей:
Умных тоже, блин, любит работа...
Пожалеет матрос,
Что не задал вопрос,
Буркнет: Глупо казаться умнее.
Плюнет и разотрет,
Чью-то мать помянет –
И полезет по вантам на рею.

* * *

Когда лирический настрой
Приводит волны чувств в движенье
И наполняет ум пустой
Флюидами стихосложенья,
Пустая бочка-голова
Вдруг отдается гулким звоном
И появляются слова
По всем немислимым законам.

Поэт их встраивает в ряд
И по краям рифмует малость,
Потом читает всем подряд...
Пока толпа не разбежалась.

* * *

Есть люди – книги. Есть – газеты.
В них глазу разница видна:
Одни, в душе своей, поэты.
Ну а другие – ни хрена.
Но большей частью так бывает,
Что каждый свой среди чужих:
Поэты, те – стихи читают,
А не поэты – пишут их.
Порой в них слышен пафос гневный,
Порою – волн житейских гул, –
Увы, газеты – однодневны:
Прочел – и что-то завернул.
А люди-книги... Но о грустном
Не будем: жизнь-то неплоха,
И незачем ее Прокрустом
Укладывать в размер стиха.

* * *

Любить весь мир – ума не надо,
Зато любить весьма приятно, –
И благородно, и бесплатно.
Но, вот, людишки, те, что рядом...
Они ж все время глаз мозолят
И путаются под ногами:
Ну, так и тянет кинуть камень
Иль потравить аэрозолью.
Они все время совершают
Поступки всяческого рода,
Которые любить мешают
Весь мир: природу и народы.
Убрать бы всех ближайших этих, –
И вот была б душе отрада:
Любить все сущее на свете!
Тем более – ума не надо.

* * *

На ветке яблоко висело,
Имея в мыслях свой расклад:
Оно с рождения хотело
Внести в науку личный вклад.
Оно надеялось, что время
Его придет, и спелый плод
На подготовленное темя,
Расставшись с веткой, упадет,
Ударом вовремя и кстати
Нейроны мозга возбудит,
И будет новый в результате
Закон физический открыт.
Но, то ли рок над садом вился,
То ль горькую ученый пил –
В саду он так не объявился.
Зато – октябрь уж наступил.

* * *

Твой гибкий стан подобен лету,
В нем воплотились все грехи,
Ты можешь возбуждать поэта
На офигенные стихи.
Я не себя в виду имею, –
Я не лирический поэт,
Пишу пустую ахинею,
Прищурившись на белый свет,
Но, кто открытыми глазами
Глядит восторженно на мир,
Кто возгорается как пламя
При слабом звуке дальних лир,
Тот, на тебя взглянув случайно,
Раздув душевные меха,
Мгновенно закипит, как чайник,
И тут же выдаст пар стиха.

* * *

Я ленту времени кручу
Назад и вижу: иногда
Я получаю, что хочу,
Да, вот, не там и не тогда.

Но ленту памяти крутя,
Я не хочу нажать на «стоп»,
Ведь я давно уж не дитя,
Играть с судьбой в пятнашки чтоб.
Что не дала, то не дала, –
К чему вести учет потерь:
Не захотела, не смогла –
Какая разница теперь?
Но нужно опыт изучить
Прошедших дней и подсказать
Судьбе: хочу я получить
Тогда и там. Изволь-ка, дать!
Ну, а не даст – не стану лить
Слез безутешных все равно,
Скажу себе: напрасно ныть
Что не дано, то не дано.

* * *

В любой теории изъяны
Находят пылкие умы:
Кто говорит – от обезьяны,
Кто говорит – из глины мы.
От обезьяны – это стыдно,
Из глины – грязно. Что признать
Естественным и очевидным?
Откуда счет наш начинать?
Одно не лучше, и другое
Не лучше тоже. Если б мог
К нам слово обратить прямое,
Чтоб замысел раскрыть свой, Бог?
Конечно бы, сумел Всевышний,
Когда бы только захотел, –
Но объяснять считает лишним,
Видать, происхождение тел.
Тела, ведь, это просто туши, –
Забавней наблюдать ему,
Как трансформируются души:
Во что, зачем и почему?

* * *

Пронзают ночь салюты
Зарницею фиктивной:
Добро – не абсолютно,
А зло – не объективно.
Устроившись прекрасно,
Фальшь между ними влезла:
Порой она – напрасна,
Порой она – полезна.
Так и огни салюта
Взлетают в небо ловко,
И кто-то скажет – круто,
А кто-то – распальцовка.
А я скажу: красиво –
Зарница среди ночи, –
И пусть она фальшива,
Но капля камень точит.

* * *

Ты хочешь правды жизни, мой читатель?
Как будто в мире только мы вдвоем?
Пойми, где свет, и щелкни выключатель,
Сядь в темноте, подумай о своем.
Мир многолик и населен изрядно,
У всех свои извилины ума,
Своих соображений закрома –
Что нам до них? Живут себе – и ладно.
Но вот беда, что им всегда до нас
Есть дело. Пусть не всем, но очень многим.
И правда жизни – достоянье масс.
А значит – и ничья, в итоге.

* * *

Смотрю на вас – и Боттичелли
Стучится сразу в память мне.
Не эти тощие модели, –
Позор народу и стране, –
А женщина с улыбкой томной,
Слегка прикрытая рукой,
Глядящая на мир нескромный
С едва заметною тоской.

С тоской, но все же и с надеждой...
Вы так похожи на ея,
Вся разница: на вас одежда,
Она ж, простите, без белья.
И улетаю я мечтою
В те золотые времена,
Где женщинам, с их красотой,
Одежда не была нужна.

* * *

Пастернак мне завещал
Поэтическое кредо:
Чтобы я не отличал
Пораженье от победы.
Против правил не грешу,
Завещанье почитаю:
Что теперь ни напишу,
Все победою считаю.

* * *

Две жизни, что ни говори,
Живем мы (лучше или хуже), –
Одна – которая снаружи,
Другая – что идет внутри.
Они порою параллельны,
Порой – пересечение их
Случается, и этот миг
Мы называем жизнью цельной.
И представляется тогда –
Тень смысла жизни мы встречаем.
Но миг так редок и случаен,
Что и заметен не всегда.
И часто за пересечение
Двух упомянутых статей
Мы принимаем столкновенье
Мечты с наивностью своей.
А столкновение, как известно –
Удар, и получив его,
Мы трем ушибленное место...
И больше, в общем, ничего.

* * *

Как некогда сказал мудрец, –
И мудрецы умны порою, –
Жизнь наша, так уж мир устроен,
Дорога лишь в один конец.
Тут можно б было каламбуром
Немного пафос поунять,
Но прав мудрец: природа – дура,
Ей лень туда-сюда гонять.
И, выбрав разом направленье,
Его и держится, а мы
Ломаем тонкие умы
Об острые углы сомненья.
Но толку нет. И мудрецу, –
Будь жизни он самой умнее, –
Бессмысленно тягаться с нею
В пути к логичному концу.

* * *

Быть глобусом хотел бы я.
Чтоб ты порою, между делом,
Меня б, задумавшись, вертела,
По глади пальчиком скользя.
Мелькали бы моря, проливы,
Цветные пятна островов,
И был бы глобус молчаливый
Красноречивей всяких слов.
Да, что-то в этом есть такое,
Что речь отобразить слаба,
Когда небрежною рукою
Тебя касается судьба.
И пальчика прикосновенье
В многозначительной тиши
Приводит целый мир в движенье
Вокруг оси твоей души.

* * *

Когда б я был, как прежде, юн,
А вы, мадам, как прежде, девой,
Я б вас обвинил, как нежный вьюн
В июне лиственное древо.

Но я уже не тот, увы:
Нет прежней гибкости сустава,
А что касается листвы –
Она слегка желтее стала.
Я понимаю вас, мадам:
Сентябрь, ведь это – бабье лето.
Но я-то, как известно вам,
Не женщина по всем приметам.
И должен осень признавать
За осень... Ну, причем тут – циник?
Пора, мадам, нам рассуждать
Не о любви – о медицине.
А что? Там тоже много тем,
Которые людей сближают.
Всему свой срок, мадам, свой темп,
Свои мечты, свои скрижали.
Природа делает свой круг,
И вновь юна, свежа на диво,
А мы... Мадам! Мадам, без рук!..
Нет, с женщиной нельзя правдиво...

* * *

Кому положено по чину –
Банкет, с салютом торжество,
Кому – простая годовщина
Со дня рождения его.
Возьмет он пару банок пива,
Порубит скромненький салат,
И без эффекта, не спесиво
Отметит просто смену дат.
Порадуется – праздник все же,
Взгрустнет – еще промчался год,
И он, увы, не стал моложе,
Но что поделать – жизнь идет.
На западе – закат пурпурный,
И ночь уже совсем близка,
И есть ли смысл в восторге бурном
Пускать ракеты в облака?
Шуми, гуди, гуляй с размахом,
Смотри философом в окно –
А не отделаться от страха,
Что круг замкнется все равно.

* * *

Бежала тучка в вышине,
За нею тень внизу спешила.
– Гляди, – она сказала мне, –
Как смотрится все это мило.
Меж ними связь, подобно той,
Которой связаны два сердца:
Одна бежит, а уж другой –
Ни увильнуть, ни отвертеться...
– Что в этом милого? – в ответ
Заметил я. – Связь очевидна.
Но если выбора в ней нет,
Итог нередко незавидный.
Лишь стоит солнцу поменять
Слегка на небе положенье,
И может тучка потерять
Свое земное приложенье...
Был ясный день. Была весна.
Вокруг природа просыпалась.
– Ты прав, – сказала мне она. –
Как я сама не догадалась?..

* * *

Нет, о любви со мной не надо!
Улыбки, жесты, позы... Эх!..
Испепеляющие взгляды
Лишь вызывают легкий смех.
Я видел многое и многих,
Рай во дворце и в шалаше.
А ноги... Ах, какие ноги
Следы оставили в душе.
И что? Как дым проплыли годы,
Остыл горячих чувств мангал.
Еще могу писать я оды,
Могу составить мадригал.
Хватает слов, рука набита,
Мозги в коробке черепной
Шевелятся, но надо мной
Уже довлеет Рок сердитый,
Твердящий: Нет, не верь, поэт,
Призывам сладостным Амура:
Амур – шпана, он дурит свет,
Поет любовь, а строит куры...

Не надо о любви. Я сам
Могу напеть о ней такого!..
А позы, жесты, право слово –
Хореография, мадам.

* * *

Ты – перл создания. И я,
Хоть и мужчина видный внешне,
Перед тобою, как струя
Фонтана пред потоком вешним.
Как ни подсвечивай струю,
Как ввысь не заставляй струиться,
Она журчащему ручью
В сравненье даже не годится.
Ты – совершенство естества,
А я – творенье человежье...
Но умолкаю – все слова
Слабы для продолженья речи.
Пусть тот, чей голос может взять
Достойную предмета ноту,
Продолжит, и хотя б на йоту
Сумеет честь тебе воздать.
А я, послушав, подпою,
Вложу все силы и старанье,
Благословляя мать твою
За совершенное создание!

* * *

Иван Василич, царь упертый,
Вкушает замогильный сон.
Уже – не Грозный, лишь Четвертый.
И никому не страшен он.
Мы, как туристы, ходим мимо,
Не ведая за суетой,
Что там замедленная мина
Лежит под каменной плитой.
И может быть, кто точно знает,
Она массивна так не зря,
И только это нас спасает
От гнева грозного царя?

* * *

Я рвусь к тебе из кожи вон,
Как поздний гость на званный ужин,
Еще чуть-чуть – и весь снаружи
Я окажусь, освобожден
От тесной оболочки брэнной,
Державшей душу в тесноте,
И пред тобой, как пред Вселенной,
Предстану в чистой наготе.
Я буду – нерв сплошной, я буду –
Чувств первозданных естество,
И ты поймешь – явилось чудо,
И вдруг поверишь ты в него.
Ты скажешь: тот любви достоин,
Кто может так... и этак – тож.
Иной, пусть и фигурой строен,
Умен, и на лицо пригож,
Но чтобы вон из кожи... Круто!..
Твои глаза блеснут во мгле,
И в эту самую минуту
Я буду главным на земле!

* * *

Напрасно дергаться не стоит.
На все есть Время, и оно
Все унесет и все устроит,
И всех уроет заодно.
Подергаемся – перестанем,
И прах своих прошедших лет
С ног отряхнем, и сами станем
Быльем, отброшенным в кювет.
«Пусть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка»...
Поэт, он знал, что к слову – Время –
Синоним лишь один – Пока.
Чуть подлиней, чуть покороче:
Пока – всегда от сих до сих,
А после – «но», и многоточье...
Веселый получился стих!

* * *

Когда в груди моей кипенье
Страстей и прочей чепухи,
Я временно бросаю чтение,
И сам сажусь писать стихи.
В них мысли мало, толку нету
В известном смысле прикладном,
Но в них бурлит душа поэта
В прозрачной колбе с толстым дном.
И всякий, кто нормальным зреньем
Природой наделен, легко
Увидеть может вдохновенье
Как сумму мелких пузырьков.
И ощутить температуру
По совокупности примет.
Все прочее – литература.
Хотя, а почему бы нет?

* * *

Не надо умничать, друзья:
Мир глуп, не стоит выделяться.
Глядите, например, как я
В толпе умею затеряться.
Кто скажет: вот идет поэт,
Он образы на строки нижет,
Он излучает чудный свет,
И к небесам всех прочих ближе?
Никто! Обычный индивид,
Не строю из себя кумира:
Мой нимб на вешалке висит
В прихожей городской квартиры.
Пегас пасется на лугу
В районе загородной дачи,
И муза сонная в кругу
Подружек ни о чем судачит...
Но настает урочный час
И, в только мне известном месте,
Я собираю всех, и нас
Глаза толпы не видят вместе.
Я надеваю гордый нимб,
На время становлюсь поэтом.

Пишу... И ставлю псевдоним,
Скрываясь в тень от мнений света.
Что мне восторги и хула,
Венок, торжественная тога? –
Сиюминутные дела.
Вот, денег бы я взял немного.
Да кто мне даст...

* * *

На этом мы заканчиваем речь,
Так не озвучив из нее ни слова.
К чему слова? – в них смысла никакого,
В них только звуки, болтовня, сиречь.
И надо ль воздух потрясать напрасно
И гнать волну, как майский ветер пух:
Ведь, что не ясно, то не ловит слух,
А то, что ясно, все равно не ясно?
Поэтому, окончим, не начав,
Потоки слов не приведя в движенье,
И даже больше скажем, промолчав,
Открыв диапазон воображенья.

* * *

Не все бывает в жизни гладко,
И двое не всегда – дуэт.
Конечно, женщина – загадка,
Но и мужчина – не ответ.
Ты слишком усложняешь дело,
Держа меня за простачка:
Загадка женская – не тело,
А содержание мозжечка.
И у мужчины все снаружи
На первый только, беглый взгляд.
Но усложнять – себе же хуже:
Не все, что скрыто – ценный клад.
Будь проще, и тебе я тоже
Отвечу той же простотой,
А если это не поможет,
Тогда, пардон, уже – не той.

* * *

Живу я не по протоколу,
Я волен в выборе вполне,
И нет особого во мне
Желанья жечь сердца глаголом.
Слух не вернет себе глухой,
Слепой, увы, не станет зрячим.
А в ситуации такой
К чему держать глагол горячим?
Я против истин не грешу,
И верю: всяк свое получит.
Хотя глагол, на всякий случай,
В кармане все-таки ношу.

* * *

Я шел, в движеньях строг и точен,
Толпу людскую рассекая,
Вперяя прямо в небо очи,
Как вызов вечности бросаю.
Синела даль в бескрайнем плане,
Порхали стайкой твари божьи.
И вдруг оттуда, как посланье,
Мне что-то капнуло на рожу.
Другой бы принял этот честный,
Конкретный знак за откровенье,
Мол, знай свое земное место,
Ты, брак поспешного творенья.
Я не таков: пусть и не манна
Посыпалась, в пылу дерзанья
Готов принять любую данность
Как часть высокого вниманья.
Я вытер меченное место,
Чтоб не смущать народ напрасно,
И путь в толпе продолжил тесной,
Маршруту прежнему согласно.

* * *

Я буду нудно петь, пока
Я здесь, как часть живой природы,
И Лета, времени река,
Свои мне не открыла воды.

Я буду память ворошить,
На будущее строить планы,
И называть все это – жить,
В своих же путаясь туманах.
Я буду нудно петь, но вид
При этом делать, что – не нудно,
Что упоительно звучит
Мой чистый голос тембром чудным.
И мне поверите легко
Вы, не имеющие слуха,
Как верил царь морской Садко,
Как пауку простушка муха.
Но сам себя не обману:
Держать я буду на примете –
Что непременно утону,
Хоть позже вас, но в той же Лете.

ФУТБОЛ

Гудит толпа, заполнив чашу.
На ровном изумруде трав
Играют наши и ненаши,
Единство времени поправ.
Бегут сначала в нападение,
Пиная кожаный пузырь,
Потом в обратном направлении,
Вдыхая страсти нашатырь.
Десятки тысяч глаз взирают
На эту суету сует,
И рты орут, и забывают
Про завтрак, ужин и обед.
Свистит свисток, свистят с трибуны,
Пузырь порхает взад-вперед,
И стражи грозные ворот
Взывают к милости фортуны.
Она ж, фортуна, на коне
По гаревой дорожке скачет
От всех эмоций в стороне,
И ей плевать на этот мячик.

* * *

Мечты о воле, о просторе,
Пока мечты – способны греть,
Когда ж найдет он бурю в море –
Недолго парусу белеть.
Когда с реальной волною
Столкнется хлипкая мечта,
Приходит в голову иное,
И страсть к свободе уж не та.
И героические роли
Теряют гордый ореол,
И хочется не буйной воли,
А – чтобы мимо шторм прошел.
Что, кстати, не мешает снова
Потом, воздав хвалу судьбе,
Твердить, как прежде, слово в слово,
О воле, буре и борьбе.

* * *

Забывший собственной судьбой,
Как вещь, пропавшая из виду,
Распоряжаюсь сам собой
По всем понятиям индивида.
Иду туда, куда хочу,
И делаю, что пожелаю.
Когда нет нужных слов – молчу,
А есть – на ветер их бросаю.
И сам себе я прокурор,
И адвокат, и суд присяжных,
И каждый высказанный вздор
Считаю априорно важным.
Ничто, никто мне не указ,
Неведом страх перед грядущим,
И мне смешно смотреть на вас,
На поводке судьбы бредущих.
Как вам, возможно, на меня
Смешно смотреть ответным взглядом,
В душе уверенность храня,
Что в жизни главное – порядок!

* * *

Поймал я как-то барабашку,
Когда он мимо пробежал.
Схватил рукою за рубашку.
Он зыркнул глазом, и сказал:
– Ну, что ты руки распускаешь?
Спокойнее себя веди:
Я – нечисть, неужель не знаешь? –
Могу со зла и навредить!
– Да брось ты! – я ему ответил. –
Пугай-ка женщин и детей.
Нет страха в истинном поэте –
Он сам себе не без затей.
Со мной ты парень дал промашку,
Проси прощения, шутник:
Вот вставлю в стих, сложу бумажку.
Да и засуну между книг!..
Он понял, с кем имеет дело,
Отвесил вежливый поклон:
– Простите, если вас задело.
Я думал, вы... А вы!.. Пардон...
С тех пор он больше по квартире
Не шастает при свете дня,
А я сижу, бренчу на лире,
И все нормально у меня.

* * *

Вот он вошел, взглянул в глаза,
Зигзагом молния сверкнет,
И гром раскатистый за нею
Из черной тучи долбанет,
И хлынет ливень, заливая
Асфальт потоком бурных вод,
И стих из памяти всплывет:
«Люблю грозу в начале мая»!
Пусть на дворе уже давно
Не май, и не весна, а лето,
И не точна строка поэта,
А к месту будет все равно.

И гром гремит, и ливень льется, –
Все – сверху вниз, а ты – внизу, –
Так ничего не остается,
Как повторять: «Люблю грозу»...

* * *

За что любить поэта, дева?
Что может в жизни он? – всего
Два-три бессмысленных напева
Пропеть, и больше ничего.
Была пора – за звуки эти
Ему платили гонорар
В приятной кошельку монете.
А ныне – обесценен дар.
И он, поэт, угрюм и мрачен,
Обижен миром и людьми:
Он был – кумир, стал – неудачник,
Не презираем лишь детьми,
Которые его читают
С ногами встав на табурет.
Но дети тоже вырастают,
И уж не нужен им поэт.

* * *

Есть Бог иль есть одна природа? –
Вопрос важнее, чем ответ.
Но если ты явился в свет,
Ты сделал первый шаг к уходу.
И, верь – не верь, а, кончив путь,
Уйдешь, откуда в мир явился,
И, наконец, познаешь суть, –
Стремился к ней иль не стремился.
И как ты будешь звать того,
Пред кем предстать тебе придется –
Неважно: кем ни назовется –
Поверишь имени Его.

РОМАНС

В небе тучи без просвета,
На асфальте грязь и лужи:
Бабье лето – это лето,
Бабья осень – это хуже.
Аналогия простая,
Как и все на этом свете:
Бабье лето – что-то светит,
Бабья осень – что-то тает.
Что ни скажешь – все по теме,
Все в укор пустой забаве:
Лето, осень – это время,
Ну а бабье – это бабье.

* * *

Со своею согласна натурой,
Ты подобна прекрасному маю,
А послушать тебя – дура дурой! –
Или, что-то я не понимаю?
Или – прав господин Ломоносов:
Если где-то чего-то прибудет,
То убудет в другом, и вопросы
Все напрасны – ответов не будет?
Впрочем, вовсе не ты, извиняюсь,
Дура дурой, а я – это слово:
Вроде, что-то пойму я, как снова, –
Погляжу – и натурой пленяюсь.
И опять не до мудрых мне формул
Основателя русской науки:
Эта талия, плечи и руки!
Это ноги, и прочие формы!
Пусть связать и двух слов ты не можешь, –
Твой бессмысленный лепет умилен.
И Венера Милосская тоже
В голове не имеет извилин.

* * *

На всех не угодишь, и всяк
Свой выбор сделает иначе,
И что иному что-то значит,
Другому – глупость и пустяк.
И каждый будет прав, и в споре
Докажет с пеною у рта:
Один – что жизнь тайфун на море,
Второй – что жизнь, как штиль, проста.
И если вдруг неосторожно
В их споре между ними встать
И оказаться третьим – можно
Спокойно в репу схлопотать.

* * *

Когда бы деревеньку душ в 500
Имел бы я – с каким восторгом, братцы,
Свободный от финансовых забот,
Я б чистому искусству мог предаться!
Восход, закат, бегущая река
И неподвижный лес – все, все вместила
В себя бы пятистопная строка,
И жизнь природы в наготу б явила.
Ведь ей одежды вовсе не нужны:
Естественность ее приятна глазу.
А мне, вот, чтоб поддерживать штаны,
Необходимо кушать. В день три раза.
Штаны с мозгами связаны весьма:
Когда они сползают на пол с чресел,
То тут не до высокого ума,
Тем паче, не до сладкозвучных песен.
И вот сижу, унылый стихоплет,
И каждый стих – моральная заноза...
Эх, мне бы деревушку душ в 500.
А лучше – две: я взялся б и за прозу.

* * *

Пока ей хочется, пока
Она смирять готова чувства,
Лениво катится река
По заданной дорожке русла.
Удерживая страсть в узде,
Являет символ постоянства,
И отражается в воде
Бескрайность внешнего пространства...
Но по весне, когда она
Дает, проснувшись, чувствам волю,
Ей рамка берегов, дотоле
Вполне удобная, тесна.
И нерв ее волны на взводе,
К своим поступкам не строга,
И заливаает половодье
Все близокрестные луга.
Хотел с натурой человеческой
Сравнить бы я характер вод.
Но это – тривиальный ход...
А больше, в общем-то, и не с чем.

* * *

В жизни мало смешного, друзья.
А здоровье моральное – в смехе.
Коль у каждого роль есть своя,
Может, я здесь – для общей потехи?
Нет, чтоб жить без забот и хлопот, –
Я ищу непонятое что-то.
И, считая меня идиотом,
Надо мною смеется народ.
Удивляется: как не пойму –
Всем порывам цена – пять копеек!
И становится легче ему
Оттого, что есть кто-то глупее.
Пусть смеются, пусть будет смешно.
Нет причин рот кривить в укоризне:
Ведь не всякому счастье дано –
Быть кому-то смешным в этой жизни!

* * *

Бренча на лире золотой,
Рассвета чудный миг встречаю,
И пораженный красотой,
Все громче струнами бренчаю.
Дрожит в волнении струна
И разливает звук по миру,
И далеко вокруг слышна
Моя торжественная лира.
Как перл создания стою,
В лучах рассвета бронзовея,
И, что существенно важнее,
Восход, а не закат пою.
И потому струна так звонко
Звенит, и лира весела,
И в барабанных перепонках
Восторг и прочие дела!

* * *

Завидую наивным: им
Понятны жизни проявления –
Они умом простым своим
Не подвергают мир сомнению.
Им ясно все – и смысл, и суть, –
Зачем живут на свете люди,
Где кончится их бранный путь,
И даже то, что после будет.
Завидую! – им жить легко,
И все всегда у них в порядке:
Не убегает молоко,
И нету сорняков на грядке.
До них дошло чему до нас
Дойти мешают наши бредни:
Живем не только в первый раз,
Но, очевидно, и в последний.

* * *

Наверно, это интересно,
Наверно, в этом жизни суть,
Когда уходит в неизвестность
Неведомый событий путь.
Выходит случай на охоту,
И ты не знаешь никогда –
Что ты найдешь за поворотом,
Пока не повернешь туда.
А мы не любим жизни пресной,
Мечтой летаем в облака,
И нам опасность интересна...
Пока опасность далека.

* * *

Я в жизни многое видал,
И верным шел путем, и ложным.
Я был бы гением, возможно,
Когда бы быт не заедал.
Мне говорят друзья: усилья
Лишь приложи – и сможешь ты
Взлететь, расправив гордо крылья,
Достичь достойной высоты.
Я ж отвечаю: пусть летают
Пернатые, а мне и здесь
Неплохо: как ни заедает,
Но в быте все же что-то есть.
Порою даже – очень что-то,
Притом, приятное весьма.
А гений – трудная работа,
И не для всякого ума.

РЕЕСТР ТЕКСТОВ

<i>А. Петрович-Сыров. О поэзии Фёдора Филиппова</i>	3
Пока гармония в природе.....	6
Как скучно жить на свете, господа.....	6
Когда бы жил я, скажем, пару.....	6
Был Гамлет прав: все в этом мире – хрень.....	7
Я отпил полстакана кефира.....	8
Есть мысли в черепашке.....	8
Был день. На небесах редела.....	8
Порою жизнь ко мне строга.....	9
Я тоже был когда-то молодым.....	9
Море пело, выводило.....	10
Когда я что-нибудь пойму.....	10
В любой теории изъян.....	11
В позиции своей упорен.....	11
Сгорая, плавилась свеча.....	11
Последний лист на ветке клена.....	12
УНЫЛЫЙ СТИХ.....	12
Праздник жизни, молодые годы.....	13
В этой жизни не много смешного.....	13
В Канаде тоже есть березы.....	13
Тургенев наш был – патриот.....	14
Раскинув периметр взора.....	15
Прислушайся к журчанью ручейка.....	15
Она прошла, прошелестела.....	15
Понятно мне весны веселье.....	16
ОДА ХЛОРОФИЛЛУ	16
Несут меня текущих дней.....	17
Я древним греком не рожден.....	17
Из цикла «Прогулки по лесу»	18
1. В лесу кудрявом на опушке.....	18
2. Однажды я в лесу сосновом.....	18
3. Однажды, сидя на опушке.....	19
Правительство, и даже тот, кто выше.....	19
Мелькнула жизнь. Хоть и осталось.....	20
ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ.....	21
Спасает книга человека.....	21
Когда скрипач сыграет у трактира.....	22
Не говори: я время проведу.....	22
Когда-то некий Блез Паскаль.....	22
Когда я стану древним, как Адам.....	23
– Скажи, что с нами происходит?.....	24

Был август. Лето зеленело...	24
В собрании питомцев муз...	25
Не все и не всегда...	25
Однажды д'Аламбер сказал Лагарпу...	26
Природа, в общем, гармонична...	26
Она была женой поэта...	27
Он был поэзии не враг...	27
Мудрец сказал, мол, счастья нет...	28
Нептун, который есть, по сути...	28
Не верь поэту, дева: он...	29
Так уж устроен этот мир...	30
Зима. Унылый город, Стужа...	30
Снаружи еж довольно колок...	30
Я должен, как художник, возвышаться...	31
Все в мире призрачно. И жизнь сама...	31
Поэт от общей массы тем отличен...	32
МОНУМЕНТ	32
Иду, положим, по бульвару...	32
Вариации на тему: Дорога жизни	34
1. С утра пред нами мир как глобус...	34
2. Сказал незлобивый поэт...	34
Сидел я тихо у ручья...	35
Упал валун в ручей с холма...	35
Намек судьбы порой обманчив...	36
Какие чудные глаза...	36
Петрович, жизнь такая штука...	36
Летучие рыбы летать не умеют...	37
У Клары был аккордеон...	37
ПО КАНТУ	38
Вот я спрошу у Вас чуть слышно...	38
Душе неведомы пути...	39
Мадам, к чему разгул страстей?	39
Вставай, Саврасов, вот поллитра...	40
Она Эрота увидала...	40
Когда б Кассандра помолчала...	41
Один – улыбается миру...	42
ИХ НРАВЫ (Александр П-Сырову)	42
Нам кажется, что мы умны...	43
Нет вечного на белом свете...	43
У блох свой мир...	43
Когда я выгляну наружу...	44
Чтоб воду в ступе не толочь...	44
Уж так устроены мозги...	45
«Наш путь познания – путь сомнения»...	45
Адмирал Ушаков...	46
Когда лирический настрой...	46

Есть люди – книги. Есть – газеты...	47
Любить весь мир – ума не надо...	47
На ветке яблоко висело...	48
Твой гибкий стан подобен лету...	48
Я ленту времени кручу...	48
В любой теории изъяны...	49
Пронзают ночь салюты...	50
Ты хочешь правды жизни...	50
Смотрю на вас – и Боттичелли...	50
Пастернак мне завещал...	51
Две жизни, что ни говори...	51
Как некогда сказал мудрец...	52
Быть глобусом хотел бы я...	52
Когда б я был, как прежде, юн...	52
Кому положено по чину...	53
Бежала тучка в вышине...	54
Нет, о любви со мной не надо!	54
Ты – перл создания. И я...	55
Иван Василич, царь упертый...	55
Я рвусь к тебе из кожи вон...	56
Напрасно дергаться не стоит...	56
Когда в груди моей кипенье...	57
Не надо умничать, друзья...	57
На этом мы заканчиваем речь...	58
Не все бывает в жизни гладко...	58
Живу я не по протоколу...	59
Я шел, в движеньях строг и точен...	59
Я буду нудно петь, пока...	59
ФУТБОЛ...	60
Мечты о воле, о просторе...	61
Забывтый собственной судьбой...	61
Поймал я как-то барабашку...	62
Вот он вошел, взглянул в глаза...	62
За что любить поэта...	63
Есть Бог иль есть одна природа?..	63
РОМАНС...	64
Со своею согласна натурой...	64
На всех не угодишь, и всяк...	65
Когда бы деревеньку душ в 500...	65
Пока ей хочется, пока...	66
В жизни мало смешного, друзья...	66
Бренча на лире золотой...	67
Завидую наивным: им...	67
Наверно, это интересно...	68
Я в жизни многое видал...	68

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

Фёдор Владимирович Филиппов
НЕ ДЛЯ СРЕДНИХ УМОВ
Стихи

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 11.06.2013
Подписано в печать 19.06.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75